

Игорь Юргенс: «С помощью Совета многие его члены делают весьма большое дело»

Игорь Юрьевич Юргенс (родился 6 ноября 1952 г. в Москве) – президент Всероссийского союза страховщиков (ВСС), президент Российского союза автостраховщиков (РСА). В 1974 г. окончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат экономических наук, автор научных трудов и публикаций. В 1980–1985 гг. был сотрудником секретариата ЮНЕСКО во Франции. Много лет отдал профсоюзному движению, в частности в 1991–1997 гг. был заместителем председателя, первым заместителем председателя Всеобщей конфедерации профсоюзов. В 1996–1997 гг. – председатель правления Международной страховой компании профсоюзов «МЕСКО». В 1998–2002 гг. возглавлял Всероссийский союз страховщиков (ВСС). В 2000 г. вошел в бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Вице-президент РСПП. Член Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Временной рабочей группы по защите прав автомобилистов и других участников дорожного движения, входит в состав постоянных комиссий по избирательным правам, по экономическим свободам, по исторической памяти, по трудовым правам и социальному партнерству. Член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), член Российского совета по международным делам, член Общественной Палаты РФ в 2007–2009 гг. В 2008 г. стал председателем правления Института современного развития (ИНСОП), основанного на базе Центра развития информационного общества (РИО-Центр).

Ред. Игорь Юрьевич, в застойное время вам приходили мысли о правильности всего происходящего?

И.Ю. Я был вполне советский человек, во все верил, то есть в ленинизм в том виде, в котором он в СССР существовал. Был пионером, комсомольцем. А капитализм считал более жесткой моделью. Я слышал, правда, мальчишкой, про Даниэля и Синявского, наверное, ощущал, что происходит нечто, выходящее за рамки тогдашней нормы, но не более. В 1968-м мне было уже 15 лет, и вот тут вера моя несколько поколебалась. Я понимал, что танками по студентам – это чересчур, тем более что учился я в известной «свободомыслием» 20-й спецшколе на Патриарших прудах. Но никаких сил к сопротивлению я в себе не ощущал.

Наступил 1970 год, я был уже студентом второго курса экономического факультета МГУ, который считался одним из участков идеологической борьбы. Нас собрали на лекцию после статьи в «Правде», с которой началось частичное «отмывание» Сталина. Шла речь о том, что при всех недостатках, вскрытых XX съездом, он очень много сделал. Я задал вопрос: почему была истреблена ленинская гвардия, куда девался демократический социализм?

Ред. Это не осталось без внимания?

И.Ю. Да, я за это поплатился. Хотя и не напрямую. Прицепиться ко мне было сложно: в стройотряды исправно ездил, по учебе почти отличник. Так приписали развал идеологической работы на курсе: плохо распространял необходимую пропагандистскую литературу. Вынесли строгий выговор – наказание по тем временам весьма серьезное. Но со временем я о нем подзабыл. И вот в конце учебы вызывает меня секретарь комитета ВЛКСМ Сергей Дубинин, ныне авторитетный экономист, бывший глава Центробанка, и говорит буквально так: «Ты что, Игорь, с дуба рухнул? Ты же с этим выговором в Москве распределение не получишь!». Он стал спасать меня, снял этот «строгач». А вообще, оглядываясь назад, я думаю, что от каких-то неблагоприятных поступков меня удерживала не воля к сопротивлению, а просто чувство собственного достоинства.

Ред. А перестроечное время вы как встретили?

И.Ю. С симпатией и надеждой. Я вернулся из заграничной командировки, где получил позитивный социальный опыт и сразу после горбачевского пленума предложил подумать об альтернативах развития. Меня как представителя ВЦСПС принял секретарь ЦК КПСС Валентин Фалин. Я говорил о том, что знал, изучал: об опыте лейбористов, французских социалистов. Излагал, как можно было бы применить их «рецепты» у нас в стране. Фалин слушал внимательно, но потом сказал, что раскола внутри партии быть не может. Он не отрицал необходимости эволюции, но его пугало страшное слово «раскол». А через два года в том же Политбюро все равно образовались две фракции – А. Яковлева и Е. Лигачева. Горбачеву пришлось существовать в этих условиях, и дошло до августа 1991-го. А ведь могли бы уже в 1989 году наладить «двухдорожечную» систему.

Ред. В событиях августа 1991 года вы тоже участвовали?

И.Ю. Да. Наверное, я в любую эпоху мог бы работать для своей страны. Но в условиях демократии, свободы слова такая работа мне кажется гораздо более естественной и полезной.

А по событиям было так. 17 августа отбыл в отпуск мой начальник В.П. Щербаков, и я остался, по сути, на хозяйстве ВЦСПС за старшего. Естественно, увидев 19 августа утром по телевидению балет, я счел себя вправе снять трубку телефонного аппарата АТС-1 и позвонить вице-президенту Янаеву – все-таки мы с ним были очень хорошо знакомы. Услышал ответ: «Игорь, все согласовано с Михаилом Сергеевичем, не дергайтесь».

Атмосфера накалялась, Ельцину удалось проехать в Белый дом. Я позвонил Янаеву второй раз. Теперь ответ был такой: «Не все от меня зависит. Буду держать в курсе...». Тогда я собрал секретариат ВЦСПС, и мы выработали текст заявления примерно такого содержания: если не будет заявления легитимного президента и не будут приняты соответствующие меры, то коллектив ВЦСПС будет считать происходящее государственным переворотом. Были дискуссии, кое-кто был и против. 20 августа текст был опубликован в газете «Труд». В это же время вернулся Щербаков. Нас поддержали Аркадий Вольский и Евгений Примаков. В этой ситуации я свою роль, считаю, сыграл, исходя из того, что полагал правильным.

Потом я работал в международных организациях, занимался и перестройкой профсоюзного движения, но сделать его таким, каким я и мои единомышленники хотели бы его видеть, не получилось. Я перешел в Союз страховщиков, возглавил компанию^[1], мне это дело понравилось. Но заниматься коммерческим страхованием я не стал. Потом Аркадий Вольский позвал меня в Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). Там происходили порой интересные истории в русле противостояния власти и бизнеса.

В середине 2000-х меня пригласили на новые проекты, в том числе в Институт современного развития. Тогда формировался независимый аналитический центр при будущем президенте Д. Медведеве. Он мыслил широко, даже призвал нас писать ему предложения в рамках «разумного сумасшествия».

Позиция

«...К сожалению, у людей возникает ощущение, что мы с такими-то номерами и сериями – граждане России, а есть некто, стоящие намного выше нас: АМР, ЕКХ. Я не буду все серии называть, все здесь присутствующие прекрасно знают, кто на дорогах чувствует себя абсолютными королями, а кто чувствует себя нищим, а не принцем. Поэтому здесь мы собираемся в рамках СПЧ вести диалог с МВД, ГИБДД и другими ведомствами».

Из выступления Юргенса И.Ю. на встрече Президента РФ Путина В.В. с Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 1 октября 2015 г.

Ред. А как вы попали в Совет по правам человека?

И.Ю. В 2007 году мне позвонила Элла Александровна Памфилова. Мы знали друг друга давно, я ее помнил еще по Верховному Совету СССР: она шла по профсоюзной квоте, от «Электропрофсоюза». Активная, интересная женщина. Она говорила о том, что надо защищать права зарождающегося среднего класса, на системной основе защищать права предпринимателей – и с этой целью позвала меня в Совет. Я с радостью принял приглашение. Мы вместе с Александром Аузаном возглавили группу по защите экономических прав.

Ред. Какие задачи вы стали решать?

И.Ю. Прежде всего – декриминализация бизнеса. Тут активно подключилась Тамара Георгиевна Морщакова. Мы также постоянно говорили о помиловании Ходорковского. В принципе, это было услышано президентом, и в итоге такое решение было принято...

Занимались мы также законом о невзятии под стражу за совершение экономического преступления, в результате чего появился запрет заключать под стражу тех, кто подозревался или обвинялся в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности^[2]. Неоднократно ставили перед президентом вопрос о необходимости амнистии. Не всегда Кремль нас поддерживал, но мы не опускали руки. И это приносило результат.

Документ

«Руководствуясь принципом гуманизма, в соответствии с пунктом "ж" части 1 статьи 103 Конституции Российской Федерации Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Освободить от наказания в виде лишения свободы независимо от назначенного срока лиц, впервые осужденных за преступления, предусмотренные статьями 146, 147, 159.1, 159.4, 171, 171.1, 172, 173.1, 173.2, 174, 174.1, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом «а» части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199.1, 199.2

Уголовного кодекса Российской Федерации, если до окончания срока исполнения настоящего Постановления эти лица выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

2. Освободить от наказания условно осужденных, осужденных, отбывание наказания которым отсрочено, условно-досрочно освобожденных от оставшейся неотбытой части наказания, а также осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, попадающих под действие пункта 1 настоящего Постановления.

3. Освободить лиц, попадающих под действие пункта 1 настоящего Постановления, от дополнительных видов наказаний, не исполненных на день его вступления в силу, за исключением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

4. Снять судимость с лиц, освобожденных от наказания на основании настоящего Постановления.

5. Прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда, о преступлениях, совершенных до вступления в силу настоящего Постановления, предусмотренных статьями 146, 147, 159.1, 159.4, 171, 171.1, 172, 173.1, 173.2, 174, 174.1, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом "а" части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении указанных преступлений, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим».

Из проекта Постановления Государственной Думы «Об объявлении амнистии», подготовленного Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 25 июня 2013 г.

Ред. Вы ведь вошли и в следующий состав Совета?

И.Ю. Да, Михаил Александрович Федотов попросил меня продолжить работу. Хотя при переходе президентства от Медведева к Путину сложилась уже другая атмосфера. В Совет вошли некоторые люди, которые, с моей точки зрения, к защите прав человека отношения не имели, но все же некий баланс был найден.

Ред. Что вы считаете наибольшими достижениями за время работы в Совете?

И.Ю. Работу над декриминализацией бизнеса и амнистию по экономическим преступлениям, которая, пусть и в усеченном виде, была реализована. Тысячи людей вышли на свободу. Сейчас эта борьба продолжается, ведь есть люди, которые под амнистию не попали, хотя вынесенные им приговоры вызывают большие сомнения. С этим активно разбирается новый омбудсмен по правам предпринимателей, бывший член Совета Борис Титов. На этом направлении я сейчас скорее на подхвате, но в Совете в компании с Ириной Хакамадой всегда подставляю плечо. Многое ведь совпадает с моей работой в качестве президента Союза страховщиков. В этом направлении мы работаем и с Верховным Судом России.

Документ

«Главная задача амнистии для лиц, осужденных за так называемые экономические преступления, – не только улучшить инвестиционный климат, вернуть предпринимателям уверенность в защищенности их прав и законных интересов, но и «обнулить» последствия судебных ошибок. Среди данной категории осужденных особенно много тех, кто, занимаясь нормальной

предпринимательской деятельностью, оказался жертвой уголовного преследования с целью рейдерского захвата, недобросовестной конкуренции, коррупции и т.д.

При этом использовались самые разные статьи Уголовного кодекса. Вот почему так важно распространить планируемую амнистию на лиц, осужденных по статьям 159 «Мошенничество», 160 «Присвоение или растрата» и 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ. Практика показала, что именно эти составы достаточно часто использовались для возбуждения уголовных дел против законопослушных предпринимателей.

Мы не ставим под сомнение важность этих составов для борьбы с реальными преступлениями против собственности, но убеждены, что их формулировки оставляет достаточное пространство для небескорыстного преследования невиновных, что, в свою очередь, создает угрозу предпринимательской деятельности как таковой, ухудшает инвестиционный климат в стране. Мы уверены, что и сейчас в местах заключения томятся тысячи людей, ставших жертвами огульных обвинений с использованием именно этих статей УК РФ.

Ни один невиновный не должен оставаться за решеткой. «Лучше десять виновных освободить, нежели одного невинного наказать», – записал Петр Первый в 1716 году в пункте 9 главы V Устава воинского.

Надеемся, что благая идея амнистии будет воплощена в жизнь с учетом приведенных доводов».

Из Обращения членов Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 1 июля 2013 г. к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Обращение подписали: Светлана Айвазова, Евгений Бобров, Александр Брод, Александр Верховский, Наталия Евдокимова, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Игорь Каляпин, Сергей Караганов, Ирина Киркора, Юрий Костанов, Борис Кравченко, Сергей Кривенко, Елена Масюк, Тамара Морщакова, Александр Мукомолов, Евгений Мысловский, Леонид Никитинский, Леонид Парфенов, Игорь Пастухов, Владимир Ряховский, Анита Соболева, Ирина Хакамада, Павел Чиков, Илья Шаблинский, Владимир Шапошников, Лилия Шибанова, Игорь Юргенс

Ред. С кем в Совете вам особенно хорошо работалось и работается?

И.Ю. С Тамарой Георгиевной Морщаковой, это высочайшего уровня специалист. Жалко, что ушла Елена Панфилова. И Ирины Ясиной мне очень не хватает. С Хакамадой мы в хорошем союзе, с Леонидом Парфеновым и Николаем Сванидзе у меня сложились дружеские отношения. С Сергеем Карагановым, возглавляющим в Совете Постоянную комиссию по исторической памяти, мы дружны почти пятьдесят лет, еще со школы. Добавлю также симпатичного мне Илью Шаблинского.

Ред. Как вы оцениваете коэффициент полезного действия Совета в последнее время?

И.Ю. Я знаю, что на этот счет существуют различные мнения среди людей, даже достаточно мне близких. Мы тут ходим к развилке, которая была у русской интеллигенции и век назад. Как взаимодействовать с властью, когда ты с ней во многом не согласен, а по каким-то вопросам даже находишься в конфликте? В свое время среди русских социал-демократов столкнулись «ликвидаторы», считавшие, что все равно надо идти в Думу, работать с ней, и так называемые отзовисты, которые призывали игнорировать все парламентские легальные представительства.

Я думаю, что с помощью Совета многие его члены делают весьма большое дело. Да, Михаилу Федотову приходится непросто, приходится тактически лавировать, приносить в Совет некоторые настроения, которые многие из нас не хотели бы слушать и воспринимать. Но ведь и президент

знает о многих настроениях здесь. Он понимает, что власти – судебные, прокурорские, – совсем по-другому, особенно на местах, относятся к мнениям людей из органа, состоящего непосредственно при нем. Они вынуждены реагировать. В этом плане Совет, я убежден, очень нужен.

[1] Международную страховую компанию профсоюзов «МЕСКО».

[2] Имеется в виду часть 1.1 статьи 108 УПК РФ.